

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКОВ

(Проблема субстрата)

Гипотеза о возможности происхождения родственных языков из одного источника и возникновение на этой базе сравнительно-исторического метода, позволившего проникнуть в тайны истории языков, принадлежат к наиболее значительным достижениям языковедческой науки. Особенно удачным результатом применения сравнительно-исторического метода в языкознании следует считать создание сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

Однако применение сравнительно-исторического метода в индоевропеистике имеет свои пределы, зависящие от наличия материала для сравнения. Благодаря усиленным поискам ученых многих поколений все, что можно в какой-то мере сравнить и сопоставить, уже сравнено и сопоставлено. Чем дальше развивается индоевропейское сравнительное языкознание, тем больше возникает труднодоказуемых гипотез. Новую жизненную силу индоевропейской компаративистике могло бы придать открытие текстов на неизвестных индоевропейских языках.

Значительных успехов достигло применение сравнительно-исторического метода в области изучения финно-угорских и семитских языков; что же касается других языков, например тюркских и особенно кавказских, то сравнительно-историческое изучение этих языков еще не вышло из того состояния, которое вообще характеризует начальный период развития каждой науки.

Одним из существенных предрассудков, распространенных в среде лингвистов-компаративистов, является совершенно ложное убеждение, будто бы сравнительно-исторический метод в языкознании имеет своей главной задачей изучение результатов распада праязыка, или, как мы теперь говорим, языка-основы. Что же касается изучения результатов взаимовлияния различных языков, то этой стороне дела никогда не уделялось должного внимания, и такое изучение не привело к созданию метода, определенных приемов исследования и вообще до сих пор не может называться наукой.

В данной статье мы рассмотрим один вопрос, имеющий особое значение для решения проблемы создания новых способов сравнительно-исторического изучения языков, которые явились бы существенным дополнением к сравнительно-историческому методу в языкознании. Речь идет о так называемой теории субстрата.

Мысль о возможности влияния субстрата при образовании характерных особенностей языка была высказана еще в XV столетии, но широкое распространение эта идея получила в XIX и XX вв., особенно после появления работ известного итальянского лингвиста Асколи, более

подробно исследовавшего возможные результаты влияния субстрата на романские языки.

Теория субстрата приобрела значительное количество сторонников и вызвала обширную литературу, общую характеристику которой трудно дать в пределах небольшой статьи. Однако, несмотря на свою давность, значительное число сторонников и наличие исследований в этой области, теория субстрата не получила до сих пор всеобщего признания. Отчасти в этом виноваты сами ее сторонники. Многие исследования в этой области скорее напоминают какие-то гадания на картах, позволяющие читателю сомневаться в правильности полученных выводов.

Наиболее уязвимым местом всех многочисленных гипотез сторонников теории субстрата является отсутствие данных об основных свойствах и особенностях языка-субстрата. Язык-субстрат обычно представляется в виде какой-то вещи в себе, о которой можно лишь говорить, но которую нельзя реально ощутить и представить.

Так, например, утверждают, что изменение латинского *f* в *h* в испанском языке возникло в результате влияния иберийского языкового субстрата. У кельт-иберов не было в языке звука *f*, и они, усваивая латинский язык, заменяли звук *f* звуком *h*. Для подтверждения этой теории ссылаются обычно на баскский язык, являющийся якобы потомком языка кельт-иберов. Однако это утверждение остается проблематичным. Во-первых, неясно, действительно ли баскский язык представляет продолжение языка кельт-иберов. Во-вторых, единичное явление, не находящееся в органической связи с другими явлениями, особенно если его наличие только гипотетически предполагается, всегда бывает мало доказательным.

В качестве примера, иллюстрирующего влияние финского языкового субстрата на русский и литовский языки, приводится употребление творительного падежа в роли падежа предиката; ср. русск. *Он был больным*. Однако авторы этой гипотезы не учитывают того, что в самих финно-угорских языках это явление представлено по-разному и притом не повсеместно. В финском и коми языках русскому предикативному творительному падежу соответствует творительный падеж¹, например, финск. *Minä olen suomenkielen opettajana* «Я являюсь учителем финского языка», коми *Ме уджала учительн* «Я работаю учителем», тогда как в мордовском языке ему соответствует транслатив, например, эрзя-морд. *Ульть кунсолыцякс* «Будь послушным», а марийскому языку это явление совершенно не свойственно. Говорят также, что наличие так называемого цоканья в русских говорах представляет будто бы результат влияния финского языкового субстрата, забывая при этом, что звук *ц* вообще чужд значительной части финно-угорских языков, за исключением горно-марийского и мордовского, где весьма возможно его развитие из более древнего *ч*; ср. мокша-морд. *цебярь* «хороший», татар. *чибәр* «красивый»; мокша-морд. *цугун*; русск. *чугун* и т. д. Кроме того, данные топонимики, например, свидетельствуют о том, что языкам дославянского населения Севера звук *ч* отнюдь не был чужд; см. такие названия, как Чухлома, Челмохта, Кирчема, Печенга, Вичуга, Нюхча и т. д.

Особенно резкой критике подверг теорию балканского языкового субстрата Миклошича К. Зандфельд в своей известной работе «Балканская лингвистика». Известно, что в балканских языках (болгарском, румынском, албанском и новогреческом) имеется целый ряд общих особенностей: отсутствие дательного падежа и инфинитива, наличие постпозитивного артикля (в румынском, болгарском и албанском), плеонастическое дублирование местоимением прямого дополнения и т. д. Обычно

¹ В финском языке этот падеж называется эссивом.

предполагают, что все эти черты возникли в результате влияния какого-то языкового субстрата. К. Зандфельд считает невозможным, или во всяком случае необычайно трудным, определить, к какой эпохе восходит балканское единство. Так, например, староболгарские тексты свидетельствуют, что исчезновение инфинитива в болгарском языке началось значительно позже той эпохи, которой датируются эти письменные памятники, а истро-румынский диалект вовсе не знает случаев замены инфинитива конструкцией с союзной частицей *sá*, свойственной румынскому литературному языку. Старые болгарские памятники XI в. не имеют никаких следов пост-позитивного артикля. Артикль появился в болгарском языке значительно позднее и стал регулярно употребляться только в XVII в. Значительные трудности представляет и объяснение такого общепалканского явления, как замена дательного падежа родительным. Греческий язык ясно показывает, что родительный падеж действительно вытеснял древний дательный. Ср. новогреч. *δός μοί* «дай мне»; в албанском и румынском языках дело обстоит наоборот: древний дательный вытеснил древний родительный¹.

В развитии структуры различных языков возможны так называемые конвергенции, т. е. одинаковые явления, возникшие в разных языках независимо друг от друга. Так, например, в финском и якутском языках, отстоящих на многие тысячи километров друг от друга и никогда не соприкасавшихся, возник так называемый частный падеж, или партитив; вспомогательный глагол «быть» одинаково участвует в образовании аналитических прошедших времен как в татарском, так и в литовском языках; подобие изафетной конструкции иранского типа существует в албанском языке, хотя эти языки развивались самостоятельно; так называемая эргативная конструкция встречается и в палеоазиатских языках, и в языках Кавказа.

Слабость аргументации, противоречие исторической действительности и возможность конвергентных явлений породили у некоторых лингвистов неверие в возможность влияния субстратов.

Приходится, однако, заметить, что аргументация противников теории субстрата также не отличается особой убедительностью: общим соображением о возможности влияния языкового субстрата противопоставляются не менее общие соображения о невозможности этого влияния. Противники теории субстрата почему-то глубоко убеждены, что все поиски в этом направлении не имеют ничего общего с сравнительно-историческим методом.

На самом деле теория субстрата является важнейшим дополнением к сравнительно-историческому методу, так как в задачу исторического изучения языков входит не только восстановление картины его исторического прошлого путем сравнения со словами и формами родственных языков, но также изучение различных инноваций, возникших в период его изолированного существования, и результатов влияния других языков. Все эти составные части должны быть обязательными компонентами исторического изучения языков.

Поэтому теория субстрата, стимулирующая изучение результатов взаимовлияния языков, не может быть просто сброшена со счета. Необходимо устранить ее слабые места и поставить ее на более прочное основание. Таким более прочным основанием теории субстрата может быть только более строгий метод изучения результатов взаимовлияния различных языков, опирающийся на комплекс различных и притом причинно связанных между собою данных.

¹ См. Kr. Sandfeld, *Linguistique balkanique*, Paris, 1930, стр. 215, 170, 186.

Понятие языкового субстрата нужно прежде всего освободить от той мистики, с которой оно часто связывается. Влияние языка-субстрата в сущности представляет собой лишь один из многочисленных типов влияния одного языка на другой. Однако не каждый случай влияния одного языка на другой мы можем назвать влиянием языка-субстрата.

Субстратом обычно называют язык, побежденный другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории. При этом безразлично, выживает ли в результате этой борьбы язык аборигенов или язык пришельцев. Чаще всего выживают языки пришельцев. Так обстояло дело с греческим языком, вытеснившим языки эгейских народов, с русским языком, вытеснившим финно-угорские языки на значительной части северной и средней европейской полосы России. Но могут быть и обратные случаи, например, победа славянского языка предков современных болгар над языком тюркских пришельцев и т. п.

Необходимо также уяснить, что термин «субстрат», в основе которого лежит чисто геометрическое представление наложения одной плоскости на другую, является условным термином. Обычно никогда никакого наложения одного языка на другой не происходит. В реальной действительности имеет место лишь контактирование языков. Необходимым результатом контактирования языков является двуязычие, которое может иметь различные степени. Бывают случаи, когда все население сплошь является двуязычным (ирландцы в Англии, бретонцы во Франции, в СССР — карелы, коми, мордва и др.). Но иногда двуязычие захватывает только часть населения (персы, владеющие азербайджанским языком, чувашы или марийцы, владеющие татарским языком, финны, владеющие шведским языком, и т. д.). Для того чтобы особенности одного языка отразились на другом языке, совершенно безразлично, будет ли при этом двуязычие полным или частичным. Различие может заключаться только в степени влияния.

Контактирование языков имеет различные формы. Из всего многообразия этих форм можно выделить два основных случая контактирования языков, так называемое маргинальное и внутрирегиональное контактирование. Маргинальное контактирование характеризуется наличием контакта двух языков, расположенных на смежных территориях. Никакого глубокого проникновения масс населения, носителей одного языка, в область распространения другого языка при этом не происходит. Типичным примером такого контактирования является взаимодействие татарского и удмуртского языков. Контактирование иного типа, так называемое внутрирегиональное контактирование, характеризуется глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка. Наиболее типичными историческими примерами могут служить вторжение масс греков на территорию южной части Балканского полуострова, некогда занятой эгейскими народами, проникновение русского населения на север, некогда занятый народами финно-угорского происхождения, заселение римлянами Галлии и т. п.

Для доказательства возможности влияния языка-субстрата следует прежде всего рассмотреть случаи маргинального контактирования языков. При этом следует выбирать не одинокие языки, а языки, входящие в группы родственных языков, что дает возможность легче отделить приобретенные черты от исконных черт. Наиболее удобными в этом отношении являются удмуртский и татарский языки. Как известно, удмуртский и татарский языки расположены на смежных территориях. Эти языки относятся к разным языковым семьям: удмуртский язык принадлежит к финно-угорским языкам, а татарский язык — к тюркским.

На территории Удмуртской АССР нет никаких компактных масс татарского населения. Топонимика Удмуртии свидетельствует о том, что ее территория никогда не была заселена народами тюркского происхождения. Наиболее древний слой топонимики Удмуртии представлен топонимикой волго-окского типа, характеризующейся в первую очередь типичными для этой топонимики речными суффиксами *ма* и *га*; например: Тойма, Кама, Лекма, Люга, Можга, Пурга, Нылга. Более новый топонимический слой представлен собственно удмуртской топонимикой.

Тем не менее удмуртский язык обладает целым рядом черт, общих с татарским языком, но чуждых другим финно-угорским языкам и, в частности, языку коми, наиболее близкому к удмуртскому.

Любопытно отметить прежде всего изменение характера удмуртского ударения. В финно-угорских языках ударение либо падает на первый слог, как, например, в западнофинских, мокша-мордовском, венгерском языках, либо является разноместным, как в луговом марийском, коми-пермяцком и эрзя-мордовском. В удмуртском языке ударение, за исключением формы 2-го лица повелительного наклонения глаголов, падает всегда на последний слог слова; ср. коми-зыр. *босьтны* «брать», удм. *басьтынъ*; коми-зыр. *мунны* «идти», удм. *мынынъ*; коми-зыр. *шудъа* «счастливый», удм. *шудб* и т. д. В татарском языке, за немногими исключениями, ударение также падает на последний слог слова; например: *язырей* «писать», *алгай* «вперед», *барâ* «идет», *саллар* «плоты» и т. д. Ясно, что ударение на последнем слоге в удмуртском языке не первоначально. Оно возникло под влиянием другого языка.

В удмуртском языке возникла аффриката *джь*, чуждая остальным финно-угорским языкам, в том числе коми-зырянскому языку; ср. такие слова, как коми-зыр. *дзескыд* «тесный», удм. *зоскыт*; коми-зыр. *дзодзюг* «гусь», удм. *зезег*. Ср. наличие этого звука в татарском языке: *жир* «земля», *жибарергэ* «посылать», *жил* «ветер» и т. д. В южных диалектах удмуртского языка имеется заднеязычное *н*, также чуждое коми-зырянскому, но имеющееся в татарском языке, например *яңа* «новый».

Эти черты могут показаться случайными. Но в действительности они представляют определенные звенья целого ряда явлений, наблюдаемых в разных сферах языка. Одной из особенностей татарского языка является наличие в нем так называемых сложных глаголов, состоящих из деепричастия основного глагола, соединяемого с каким-нибудь вспомогательным глаголом; например: *уйлап чыгарды* «он выдумал» (буквально: «думая извлек»), *очып килде* «он прилетел» (буквально: «летя пришел») и т. д. Финно-угорским языкам, если не считать марийского языка, сложные глаголы не свойственны. В марийском языке они несомненно возникли под чувашским влиянием. Не свойственны сложные глаголы и коми-зырянскому языку. Явно под влиянием татарского языка и по татарским моделям начинают образовываться сложные глаголы и в удмуртском языке, доказательством чего могут служить приводимые ниже примеры: *Бызьыса Иван вуиз* «Прибежал Иван» (буквально: «бежа пришел»). Сложный глагол *бызьыса вуиз* образован по татарской модели; ср. татар. *Иван йөгереп килде*, где *йөгереп килде* также буквально означает «бежа пришел»; *Мужикъёс полоса гырыса быдтйзы* «Мужики вспахали полосу» (буквально: «пахав закончили»). Сложный глагол *гырыса быдтйны* «вспахать» опять-таки образован по татарской модели: *Мужиклар буйны сореп бетерделар* (буквально: «пахав закончили»).

В удмуртском, как и в коми-зырянском языке, существуют деепричастия. Однако в удмуртском языке под влиянием татарского частота

употребления деепричастий увеличивается в десятки раз по сравнению с употреблением деепричастий в коми-зырянском языке.

В современном коми-зырянском языке плюсквамперфект, или преждепрошедшее время, типа *бостъма ёдлі* «он взял раньше» начинает постепенно исчезать. В удмуртском же языке, наоборот, частота употребления плюсквамперфекта во много раз больше по той причине, что это время имеется и в соседнем татарском языке.

В коми-зырянском языке существует так называемое прошедшее длительное время типа *бостӧ ёдлі* «он брал». В удмуртском языке также имеется это время, например *мынэ вал* «он шел». Однако частота случаев обозначения этим временем длительного или многократного действия в прошлом в удмуртском языке во много раз увеличивается по сравнению с общей частотой случаев употребления данного времени в этом значении в коми-зырянском языке. Несомненно, и здесь сказалось влияние прошедшего длительного времени в соседнем татарском языке, обладающего этим значением.

В татарском языке существует выражение типа *курғанем бар* «я видел» (буквально: «мое виденное есть»), *барғаным бар* «я ходил» (буквально: «мне хоженное есть») и т. д. Подобное явление имеется и в удмуртском языке, например *одйз пол адъеме вань* «один раз видела» (буквально: «один раз мое виденное есть»).

В коми-зырянском языке два существительных могут быть соединены между собой союзом *да*, соответствующим русскому союзу *и*, например: *кӧч да руд* «заяц и лисица», *ёвв да мӧс* «лошадь и корова» и т. п. В удмуртском языке встречается иная конструкция, полностью в структурном отношении совпадающая с татарской. В татарском языке, например, чтобы сказать «заяц и лисица», первое из двух существительных употребляется с послелогом *белэн* «с», а второе остается в именительном падеже, например *куян белэн төлкэ* «заяц и лисица» (буквально: «с зайцем лисица»). Поскольку в удмуртском языке нет послелога, соответствующего татарскому *белэн*, первое существительное употребляется в творительном падеже с ассоциативным значением, например удм. *йичиен атас* «лиса и петух» (буквально: «с лисой петух»); ср. татар. *төлкэ белэн этэк*; удм. *кечиен кион* «козленок и волк» (буквально: «с козленком волк») и т. д.

Коми-зырянский язык обладает сильно развитой системой глагольных видов. Наоборот, в удмуртском языке наблюдается необычайное оскудение системы древнепермских глагольных видов. От глагола *мыныны* «идти» регулярно образуется только многократный вид, например *мынмылйз*: «он ходил» (многократн.). Что касается остальных видов, то они фактически исчезли (имеются лишь их весьма незначительные реликты). Опять-таки здесь сказалось влияние татарского языка, где, по существу, нет никаких глагольных видов.

Если в коми-зырянском языке соединяются два имени существительных в роли определения и определяемого, то определение, получая окончание родительного падежа, не вызывает появления притяжательного суффикса третьего лица у определяемого, например *венгерскӧй народлӧн праздник* «праздник венгерского народа». Наоборот, в удмуртском языке употребление притяжательного суффикса третьего лица в этих случаях является обязательным: *простой адъямослэн куаразы* «голос простых людей», *Китайлэн экономикаез* «экономика Китая» и т. д.

Совершенно ясно, что влияние изафетной конструкции татарского языка способствовало сохранению притяжательного суффикса в удмуртском языке, в то время как в коми-зырянском языке под влиянием русского языка этот суффикс, наоборот, перестал употребляться, сохраняясь лишь

в некоторых случаях, когда нужно особо подчеркнуть притяжательность; например *колхозлн мбсьясыс* «коровы колхоза».

Вообще синтаксис удмуртского языка во многом напоминает синтаксис татарского языка. Возможно, что влияние татарского языка способствовало сохранению многих синтаксических черт, характеризующих древние финно-угорские языки пермской группы.

Наконец, весьма убедительным доказательством контактирования татарского и удмуртского языков является наличие заимствованных татарских слов в удмуртском языке. Приведем небольшой перечень этих заимствований:

Удмуртский язык

атас «петух»
атай «отец»
бабай «дед»
бай «богатый»
буй «цвет» и т. д.

Татарский язык

этэч «петух»
атай «бабушка»
бабай «дедушка»
бай «богатый»
буя «краска» и т. д.

Коми-зырянский язык в силу своих исторических судеб никогда не подвергался татарскому и вообще какому-либо тюркскому влиянию. Весьма немногочисленные слова чувашского, вернее всего камско-булгарского происхождения свидетельствуют лишь о сравнительно мало интенсивных культурных связях в прошлом. Но коми-зырянский язык испытал сильное влияние русского языка. Многовековое влияние русского языка не замедлило сказаться не только в лексике, но и в значительных изменениях грамматического строя коми-зырянского языка. Влияние русского языка на грамматический строй коми-зырянского языка выразилось в следующем.

1. Постпозиция родительного падежа, типичная для всех финно-угорских языков, в коми-зырянском языке стала необязательной. Можно с одинаковым правом сказать *воклн пиыс* «сын брата» (буквально: «брата сын») и *пиыс воклн*.

2. Встречающиеся в коми-зырянском языке перфект и плюсквамперфект под влияниемодночленной системы прошедших времен в русском языке могут заменяться первым прошедшим временем; например: перфект *сий локтма* «он пришел» может быть заменен формой первого прошедшего времени *сий локтис*; плюсквамперфект *сий локтма влі* «он пришел раньше» также может быть заменен формой первого прошедшего времени *сий локтис*.

3. Аналогично двум типам русских будущих времен в коми языке возникли два будущих времени, противопоставленные по видовым значениям. Простое будущее в коми языке соответствует русскому будущему времени совершенного вида; например: *гиза* «я напишу», *локта* «я приду», *босьта* «я возьму». Другое будущее аналитического типа, образуемое при помощи вспомогательного глагола *кутны* «держатъ; приниматься», соответствует русскому будущему несовершенного вида; например: *кута гижны* «буду писать», *кута локны* «буду приходить», *кута босьтны* «буду брать» и т. д.

4. Под влиянием русского языка сильно изменился и синтаксис коми-зырянского языка. Получили значительное развитие различные виды придаточных предложений русского типа, тогда как в удмуртском языке, подвергнувшись влиянию татарского языка, придаточные предложения развиты относительно слабо и преобладают причастные и деепричастные конструкции.

Влияние одного языка на другой, смежный по территории своего распространения, обеспечивает возможность гипотетического предположения о

наличии в языках известных черт, в настоящее время уже бесследно исчезнувших. Можно, например, предполагать, что в языках мери и муромы не было перфекта и плюсквамперфекта и, возможно, существовало объектное спряжение глаголов или какие-то наметки объектного спряжения. Эти вполне объективные факты свидетельствуют о том, что даже при наличии маргинального контактирования, когда взаимодействие двух языков совершается только в пограничной зоне, приобретение черт одного языка другим языком является вполне возможным.

Подводя итоги тому, что сказано выше, результаты влияния татарского языка на удмуртский и русского на коми-зырянский можно свести к следующему: 1) возникновение сходных звуков; 2) заимствование слов; 3) заимствование словообразовательных суффиксов; 4) образование синтаксических калек; 5) образование семантических инклинаций¹; 6) возбуждение сходных процессов изменения языковой структуры; 7) способствование сохранению однотипных структурных черт.

В связи с этим возникает вполне законный и логичный вопрос: если возможно влияние одного языка на другой в тех условиях, когда эти языки находятся на смежных территориях, то почему этого влияния не должно быть, когда носители одного языка в большом количестве проникают на территории носителей другого языка, т. е. в условиях так называемого внутрирегионального контактирования?

Почти все известные из истории примеры так называемого внутрирегионального контактирования языков нами не могут быть использованы для доказательства по той простой причине, что вследствие отсутствия сведений о характере языка-субстрата наше доказательство будет все равно неубедительным. В самом деле, сколько бы мы ни говорили о влиянии фрако-иллирийского субстрата на балканские языки или догерманского субстрата на немецкий, язык-субстрат при всех условиях остается величиной неизвестной.

Однако судьба языков-субстратов бывает разной. Наблюдаются случаи, когда язык-субстрат исчезает полностью и восстановить его в этих случаях почти невозможно. Но нередки и такие случаи, когда он исчезает лишь частично. Другая часть его в каком-то виде продолжает существовать. Такого рода явление мы называем сегментарным исчезновением языка-субстрата. Для доказательства возможности влияния языка-субстрата лучше всего в качестве объектов исследования брать именно такие случаи, так как выводы получают при этом большую доказательную силу.

Возьмем для примера опять два языка, принадлежащие к двум разным семьям, например марийский и чувашский, из которых первый является финно-угорским, а второй — тюркским языком. Марийский и чувашский языки обладают целым рядом общих черт в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. В области морфологии и синтаксиса наблюдается, конечно, не материальное родство, а лишь общность некоторых структурных моделей. Эта общность возникла вследствие того, что какой-то тюркский язык — предок современного чувашского языка — наслаивался на финно-угорский языковой субстрат, представленный древнемарийским языком.

Конечно, древнечувашский язык наслаивался на древнемарийский язык не на территории современной Марийской республики: на этой территории нет топонимики чувашского и вообще тюркского типа. На тер-

¹ Под семантической инклинацией мы понимаем возникновение нового значения формы или слова под влиянием наличия этого значения в однотипной форме или соответствующем слове другого языка.

ритории Марийской республики, так же как и на территории Удмуртской республики, представлены два топонимических слоя: более древний топонимический слой волго-окского типа, характеризующийся суффиксами *ма* и *га*, а также *ша*; см. названия: Уртома, Шошма, Ижма, Кокшага, Юронга, Ваштранга, Ронга, Параньга, Чукша, Шиньша и др.; на этот слой наслаивается собственно марийская топонимика, характеризующаяся суффиксами *ер*, *енгер*, *енер*, а также суффиксом *нур*, например: Суслонгер, Шолэнгер, Куженер, Мумзер, Сернур и т. д.

Топонимика Марийской АССР свидетельствует о том, что марийцы являются пришлым населением. Они появились откуда-то из более южных областей и в древности населяли территорию современной Чувашской АССР. Убедительным доказательством пребывания древних марийцев на территории Чувашской АССР являются топонимические названия. В. Г. Егоров в своей интересной статье «К вопросу о происхождении чуваш и их языка»¹ отмечает известную общность топонимических названий на территории Марийской и Чувашской АССР. Весьма древними, по мнению В. Г. Егорова, и явно дотюркскими являются названия селений на *-нар*, *-нер*: Апнер, Вурнар, Идеснер, Кенер, Кетеснер, Кунер, Куснар, Пинер, Писенер, Санар, Упнер, Урнар, Чаганар, Ченер, Шанар, Ушанар, Шелнер, Шутнер и т. д. Аналогичные названия селений, рек и озер в большом числе встречаются и у восточных финнов, особенно у марийцев, например: Водонер, Киер, Кугунер, Куженер, Лонганер, Мамсинер, Ошканер, Сабанер, Шукшнер и т. д. Показательными в этом отношении являются и топонимические названия на *-мар*, *-мер*: Вярмар, Итмар, Кудемер, Түмер, Кушмара. Ср. в марийском: Шүдермар, Кокшамар, Пумар, Ляжмар, Паратмар, Шешмар, Кужмара, Кукмара и др.

На территорию Чувашии, занятую в древности марийскими племенами, после прихода камских булгар в Поволжье, а может быть, и значительно раньше проникали тюркоязычные племена. Происходило внутрорегиональное контактирование марийского и древнечувашского языков, точнее—языка сузавов или суяров. В результате этого контактирования марийский язык воспринял ряд черт, не свойственных другим финно-угорским языкам. В свою очередь чувашский язык приобрел некоторые особенности, совершенно не свойственные другим тюркским языкам.

Однако в силу чисто исторической случайности марийский язык-субстрат не исчез полностью, как это было во многих других случаях (ср. исчезновение эгейского языкового субстрата в Греции или финно-угорского языкового субстрата на территории северной и средней европейской части СССР), а частично сохранился благодаря миграции марийского населения в более северные области. Рассмотрим последовательно характерные особенности, полученные чувашским языком от марийского и, наоборот, марийским языком от чувашского.

Особенности чувашского языка, возникшие в результате влияния марийского языка

Прежде всего следует указать на значительные изменения в области консонантизма и вокализма. От марийского языка чувашский язык приобрел характерную фонетическую особенность, выражающуюся в том, что в чувашском языке, как и в марийском, слово может начинаться только с глухого согласного. Поэтому звонкий согласный в соответ-

¹ См. «Записки Науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории при Совете Министров Чуваш. АССР», вып. VII, Чебоксары, 1953, стр. 74, 75.

ствующих словах других тюркских языков в чувашском языке передается глухими согласными; ср. татар. *баш* «голова», чув. *пуç*; татар. *бар* «есть; имеется», чув. *пур*; татар. *давил* «буря», чув. *тăвăл*. Влияние фонетики марийского языка выразилось также в ослаблении заднеязычных согласных; например: татар. *колак* «ухо» (*qolaq*), чув. *хăлла*; татар. *котылу* «спасение», чув. *хăтăл* «спасаться». С этим связан переход древних гласных заднего ряда в гласные переднего ряда; например: татар. *кояш* «солнце», чув. *хёвел*; татар. *кыш* «зима», чув. *хёл* и т. д. Такое явление чувашского языка, как превращение древнего *a* в *o* и затем в *y* в литературном чувашском языке (ср. тур. *yaş* «голова», чув. верховой диалект *поç*, низовой диалект *пуç*; тур. *altı* «шесть», чув. низовой диалект *олтă*, верховой диалект *ултă*; тур. *arba* «телега», чув. верховой диалект *орпă*, низовой диалект *урпă*), несомненно, находится в связи с аналогичным до некоторой степени явлением превращения древнего *a* в *o* в луговом марийском языке (ср. эрзя-морд. *кадомс* «оставлять», мар. *кодаш*; эрзя-морд. *ташто* «старый», мар. *тошто*; эрзя-морд. *паро* «хороший», мар. *поро* «добрый»; эрзя-морд. *сардо* «лось», мар. *шордо* и т. д.).

В татарском языке аффикс принадлежности третьего лица единственного и множественного числа помещается после аффикса множественного числа, например: *аның атлары* «его лошади»: *ат* «лошадь» + *лар* (аффикс мн. числа) + *ы* (притяжательный суффикс 3-го лица ед. и мн. числа).

Под влиянием марийского языка в чувашском языке произошли изменения в порядке расположения этих формативов по схеме: имя существительное + притяжательный суффикс + окончание множественного числа, например: *Демократиллĕ Вьетнам республикин ситĕнĕвĕсем* «успехи Демократической республики Вьетнам»; форма *ситĕнĕвĕсем* может быть разложена на элементы: *ситĕнĕ* «успех» (*ĕв* — изменение *ĕ* перед гласным), *ĕ* — притяжательный суффикс 3-го лица единственного и множественного числа, *сем* — окончание множественного числа; *халăх демократии сĕршывĕсенче* «в странах народной демократии»; форма *сĕршывĕсенче* разлагается на составные элементы: *сĕршыв* «страна», *ĕ* — притяжательный суффикс 3-го лица, *сем* — аффикс множественного числа. Татарскому *аның атлары* «его лошади» в чувашском будет соответствовать *унăн лашисем*.

Эта же схема расположения притяжательных суффиксов оказывается типичной и для марийского языка, в чем легко убедиться при анализе приводимого ниже примера: *республикин ончыл енже-шамыч* «передовые люди республики»; *енже-шамыч* разлагается на элементы: *ен* «человек», *же* — притяжательный суффикс 3-го лица, *шамыч* — аффикс множественного числа.

Удельный вес родительного падежа в чувашском языке значительно ниже удельного веса родительного падежа в русском языке, так как с родительным падежом в чувашском языке конкурируют особого вида прилагательные. Эти прилагательные образуются от формы местного падежа с аффиксом принадлежности — *и*, например: *облаçри колхозсем* «колхозы области», *Мускаври урамсем* «улицы Москвы» и т. д. Это явление, несомненно, также возникло под влиянием марийского языка, поскольку оно существует и в марийском языке, а в тюркских языках, за исключением чувашского, отсутствует. В марийском языке чувашским прилагательным на *-й* в точности соответствуют прилагательные на *се*; ср. мар. *Весь шургинский сельсоветысе «Дружба» ял озанлык артель* «сельскохозяйственная артель „Дружба“ Весьшургинского района», чув. *Районти колхозсем плана туптарчĕс* «Колхозы района выполнили план».

Под влиянием марийского языка в чувашском языке произошла унификация формы 3-го лица единственного числа вспомогательного глагола «быть», являющегося компонентом аналитических прошедших времен, и распространение ее на все лица. Чрезвычайно наглядно эта особенность выступает при сравнении парадигм преждепрошедших времен наклонения неочевидности.

Марийский язык

Ед. число

- 1-е лицо: *возенам улмаш* «Я писал раньше, оказывается» и т. д.
 2-е лицо: *возенат улмаш*
 3-е лицо: *возен улмаш*

Мн. число

- 1-е лицо: *возенна улмаш* «Мы писали раньше, оказывается» и т. д.
 2-е лицо: *возенда улмаш*
 3-е лицо: *возеныт улмаш*

Чувашский язык

Ед. число

- 1-е лицо: *эпӹ сьрнӹччӹ* «Я писал раньше, оказывается» и т. д.
 2-е лицо: *эсӹ сьрнӹччӹ*
 3-е лицо: *вӹл сьрнӹччӹ*

Мн. число

- 1-е лицо: *эпир сьрнӹччӹ* «Мы писали раньше, оказывается» и т. д.
 2-е лицо: *эсир сьрнӹччӹ*
 3-е лицо: *весеҥ сьрнӹччӹ*

Марийская форма *улмаш* представляет окаменелую форму 3-го лица единственного числа второго прошедшего времени от глагола «быть». Точно так же элемент *чӹ* в чувашской форме *сьрнӹччӹ* представляет окаменелую форму глагола «быть», родственную форме 3-го лица единственного числа татарского глагола *имӓж* — *иде* «он был».

Подобное обобщение 3-го лица глагола татарскому языку совершенно несвойственно. Ср. парадигму татарского преждепрошедшего времени от глагола *барьрга* «идти»:

Ед. число	Мн. число
1-е лицо: <i>барган идем</i> «Я приходил раньше» и т. д.	<i>барган идек</i>
2-е лицо: <i>барган идең</i>	<i>барган идегеҥ</i>
3-е лицо: <i>барган иде</i>	<i>барган иделәҥ</i>

Таким образом, возникновение обобщения форм 3-го лица вспомогательного глагола «быть» в чувашском языке под влиянием марийского языка не вызывает никаких сомнений.

Под влиянием марийского языка в чувашском языке притяжательный суффикс 3-го лица единственного и множественного числа приобрел некоторые функции артикля. На эту особенность обратил в свое время внимание проф. Н. И. Ашмарян: «Суффикс 3-го лица ставится: 1) Для показания разницы в состоянии различных частей одного предмета или разницы в состоянии нескольких предметов, имеющих между собою связь, а также, чтобы ярче представить отношение одного из них к другому. Напр. *Икӹ хӹрри хыралах, вӹта сӹрри пасарлаӹх* „По обоим краям сосняк, а посередине базар“. (Загадка)... 2) Суффикс 3-го лица ставится еще тогда, когда говорится о предмете, уже упомянутом

раньше, или о таком предмете, который хотя раньше и не упоминался, но существование которого как бы предвиделось заранее: ... *Вёсем вара апа кимё шине лартас теиё, сав вайатрах кимми хайсем ишше пырас сыр зёррине ситнё* «Они тут хотели посадить его в лодку, в то же время лодка пристала к берегу, куда им было нужно прибыть»¹.

Интересно отметить, что в марийском языке притяжательный суффикс 3-го лица единственного и множественного числа имеет те же самые особенности.

Притяжательный суффикс 3-го лица в марийском языке употребляется довольно часто при всякого рода контрастных противопоставлениях, например: *Иукетше икендын, муретше весын* «Голос-то свой, а песня чужая»; *Йукчо шулдыржым шаркала да чонешташ точа, ракыже шенгак шупшеи, а нузголжо, тудыжо вудышко пура* «Лебедь машет крыльями и пытается взлететь, рак пятится назад, а щука тянет в воду».

В марийском языке, как и в чувашском, наблюдаются также случаи анафорического употребления притяжательного суффикса 3-го лица, сближающие его, хотя и не полностью, с артиклем западноевропейских языков: «Енгай, — маньым, — Мартын ерым ужынат? Уке, — манеш тудо. Мый ужынам, и — маньым. — Ерже пеш кугу да колыжо уке, маньым» (М. Шкетан, Эренгер) «Тетка, — говорю я ей, — видала ты Мартыново озеро? — Нет, — отвечает. — А мне, — говорю я, — довелось. Озеро-то велико, да рыбы в нем нет». В этом примере слово *ер* «озеро», употребляемое вторично, имеет притяжательный суффикс 3-го лица единственного числа *же* — *ерже*.

Отсутствие в татарском, башкирском и других тюркских языках случаев употребления притяжательного суффикса 3-го лица в такой функции заставляет предполагать возникновение этого явления в чувашском языке под влиянием марийского языка.

Одной из любопытных особенностей чувашского языка, не встречающихся в татарском и башкирском языках, является наличие двух форм числительных — краткой и полной. Аналогичное явление существует и в марийском языке.

Чувашский язык

	Полная форма	Краткая форма
«Один»	<i>пёрре</i>	<i>пёр</i>
«Два»	<i>иккёр</i>	<i>икёр</i>
«Три»	<i>висёр</i>	<i>висёр</i>
«Четыре»	<i>таватта</i>	<i>таватта</i>
«Пять»	<i>пиллёр</i> и т. д.	<i>пилёр</i> и т. д.

Марийский язык

	Полная форма	Краткая форма
«Один»	<i>иктыт</i>	<i>ик</i>
«Два»	<i>коктыт</i>	<i>кок</i>
«Три»	<i>кумыт</i>	<i>кум</i>
«Четыре»	<i>нылыт</i>	<i>ныл</i>
«Пять»	<i>вызыт</i> и т. д.	<i>вич</i> и т. д.

Наличие в известной степени сходного явления в удмуртском языке, где числительные имеют так называемый выделительный аффикс *-эз* (*-ез*) (например, *одйг* «один», но *одйгез*), заставляет искать источник этого явления в финно-угорских языках.

¹ Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898, стр. 172—174.

Союзная усилительная частица *ax* в чувашском языке, не имеющая этимологических параллелей в татарском и башкирском языках, также по всей вероятности была заимствована из марийского языка; ср., например, мар. *пычкемыш ылым, пычкемышак кодалтын* «темным был, темным и остался» и чув. *тёттём пуля, тёттёмпех юля*.

Чувашский язык воспринял и марийский суффикс множественного числа *сем*, например: чув. *ял* «деревня», *ялсем* «деревни». Суффикс множественного числа *сем* соответствует марийскому *шамыч* (*шам* < *сам* + *ыч*), например: *чодра* «лес», *чодра-шамыч* «леса».

Отрицательная форма повелительного наклонения в тюркских языках образуется путем присоединения к основе глагола отрицательного аффикса, например: татар. *бир* «дай», *бирме* «не давай». Чувашский язык под влиянием марийского языка отступил от этого правила и образует повелительное наклонение путем препозиции отрицательной частицы *ан*, например: *ан кала* «не говори».

Под влиянием марийского языка окончание родительного падежа в чувашском языке утратило артиклевые функции, какие, например, имеются в изафетной конструкции татарского языка: *танкистсен кунё* «день танкистов».

Большой интерес представляет сопоставление так называемого прошедшего неочевидного, или прошедшего неопределенного, в чувашском и марийском языках и одновременное сличение их с прошедшим неочевидным в татарском языке. Прошедшее неочевидное в марийском и чувашском языках может употребляться в трех основных случаях: 1) в значении перфекта западноевропейских языков, обозначающего действие, закончившееся в прошлом, но результат которого сохраняется в настоящее время; 2) для выражения действия, очевидцем которого говорящий фактически не был; 3) для выражения длительного, неоконченного действия в прошлом вообще. Особенно показательным является третий случай, поскольку подобное употребление прошедшего неочевидного, будучи свойственно чувашскому и марийскому языкам, оказывается несвойственным татарскому языку. Приведем несколько примеров: чув. *Деренков лавки питё сахал тупаш паня* «Лавка Деренкова давала ничтожный доход», *Серлэ урамсем тарăх патрульсем суренё* «По ночным улицам ходили патрули»; мар. *Каже эр дене куд часыште, мый пашашке, ярминкашке каенам* «Каждое утро, в шесть часов, я ходил на работу, на ярмарку».

Отсутствие вышеуказанной специфики употребления прошедшего неочевидного в татарском, башкирском и других тюркских языках заставляет предполагать, что оно возникло первоначально на почве марийского языка.

Особенности марийского языка, возникшие в результате влияния чувашского языка

Под влиянием чувашского языка в марийском языке возникли некоторые закономерности ударения, не встречающиеся ни в одном из финно-угорских языков, но существующие в чувашском.

Редуцированный звук *ы* в марийском языке ударения обычно не принимает. Если в слове, кроме звука *ы*, имеются другие гласные звуки, то ударение ставится на ближайшем от конца слоге с другим гласным, например: *шóрык* «овца», *тошкáлтыш* «лестница», *овáрчык* «яичница». Если же в слове нет других гласных, кроме *ы*, то ударение падает на начальный слог, например: *пýлыш* «ухо», *чýвыштыш* «щепотка»¹. Нечто

¹ Эти закономерности были впервые вскрыты В. М. Васильевым.

подобное наблюдается и в чувашском языке. Если в последнем слоге имеются редуцированные гласные *ä* или *ë*, то ударение переносится на ближайший слог с гласным полного образования, например: *сүрăх* «овца», *кăшкăр* «волк». Если же в слове все гласные редуцированные, то в литературном языке ударение бывает на первом от начала слоге, например: *ĕслĕттĕм* «я работал», *ăвăс* «воск»¹. Подобные закономерности ударения в словах, содержащих редуцированные гласные, неизвестны татарскому и башкирскому языкам. Неизвестны они и финно-угорским языкам. Следовательно, можно считать, что эта особенность заимствована марийским языком из чувашского.

Суффикс сравнительной степени прилагательных в марийском языке, несомненно, заимствован из чувашского языка; ср. мар. *сай* «хороший», *сайрак* «лучше», чув. *лайăх* «хороший», *лайăхрах* «лучше». Наблюдается также сходство словообразовательных суффиксов имен прилагательных; ср. мар. *чалле* «славный», *черле* «больной», чув. *аслă* «умный», *вайлă* «сильный». Из чувашского языка проник в марийский язык суффикс *лык*, образующий абстрактные имена существительные типа *поянлык* «богатство», *тазалык* «здоровье» и т. д.; ср. чув. *хусалăх* «хозяйство». Из чувашского языка заимствован также суффикс каузативных глаголов *тер*; ср. мар. *эртараш*, чув. *ирттер* «проводить».

Поразительное внешнее сходство суффиксов наблюдается у производных глаголов в марийском и чувашском языках. Один из наиболее распространенных глагольных словообразовательных суффиксов марийского языка *-л*, при помощи которого образуются глаголы от имен существительных (например, *шÿм* «кожура» — *шÿмлаш* «очищать от кожуры»; *сай* «хорошо» — *сайлаш* «отбирать, выбирать, избирать»), по всей видимости, заимствован из чувашского языка (ср. чув. *пуç* «голова» — *пуçла* «начинать»; *чир* «болезнь» — *чирле* «болеть»). Материально родственным чувашскому суффиксу *лан*, *лен* оказывается и марийский суффикс *лан*, например: *мут* «слово» — *мутланаш* «разговаривать». Из чувашского языка проник в марийский язык и словообразовательный суффикс *кала* с видовым значением многократности действия, например: мар. *возгала* «пиши время от времени», чув. *сыркала* с тем же значением.

Под непосредственным влиянием чувашского языка в марийском языке возникли сложные глаголы, вообще не свойственные финно-угорским языкам, причем эти сложные глаголы имеют ту же самую структурную модель, что и чувашские сложные глаголы. Для иллюстрации приводим сравнительное сопоставление некоторых моделей сложных глаголов в том и другом языке.

Чувашский язык

Деепричастие + вспомогательный глагол *пĕт* и *пĕтер* «кончатся» и «кончить»: *Хаят ĕĕтĕлсе пĕтнĕ* «Газета обтрепалась».

Деепричастие + вспомогательный глагол ил «брать»: *Вăл аллисемпе хăлаçланса иллĕ* «Он всплеснула руками».

Деепричастие + вспомогательный глагол *кай* «уходить»: *Шлюпка ўпĕнсе кайрĕ* «Шлюпка перевернулась».

Деепричастие + вспомогательный глагол *яр* «посылать»: *Вăл кăшкăрса ячĕ* «Он закричал».

Марийский язык

Деепричастие + вспомогательный глагол *пытши* и *пытариш* «кончатся» и «кончить»: *Сорта йÿлен пытен* «Свеча сгорела».

Деепричастие + вспомогательный глагол *налаш* «брать»: *Тудо гайкым рончен налым* «Он отвинтил гайку».

Деепричастие + вспомогательный глагол *каш* «уходить»: *Ме лектым кайышна* «Мы вышли».

Деепричастие + вспомогательный глагол *колташ* «посылать»: *Тудо проум пудыртен колтен* «Он сломал сверло».

¹ См. В. Г. Егоров, Чувашско-русский словарь, Чебоксары, 1935, стр. 678—679.

Деепричастие + вспомогательный глагол *лар* и *ларт* «есть» и «посадить»: *Пывайсем хайра ларнӑ* «Деревья засохли» и т. д.

Деепричастие + вспомогательный глагол *шындаш* «посадить»: *Тудо омсам туйкылен шындыш* «Он запер дверь» и т. д.

Марийский язык отличается удивительным богатством звукоподражательных слов, что, вероятно, объясняется влиянием чувашского языка, имеющего ту же особенность.

Марийский плюсквамперфект структурно построен аналогично чувашскому и полностью совпадает с ним по значению.

Приведенные выше факты не могут быть объяснены случайностью. Они подкрепляются значительным количеством слов, являющихся общими для чувашского и марийского языков: ср. чув. *кашкар* «кричать», мар. *кычкараш*; чув. *сис* «чувствовать», мар. *шижаши*; чув. *иҗре* «ладно, хорошо», мар. *йора*; чув. *чир* «болезнь», мар. *чер*; чув. *пер* «ударять», мар. *пераш*; чув. *сыр* «крутой берег», мар. *сер*; чув. *кай* «идти, уходить», мар. *кайи*; чув. *кӧт* «ждать; пасти», мар. *кӧташ*; чув. *ула* «пестрый», мар. *ола*; чув. *йыш* «семья», мар. *эш*; чув. *пух* «собирать», мар. *погаш*; чув. *ман* «забывать», мар. *манаш*; чув. *шутра* «крупный», мар. *шолдра*; чув. *юмах* «сказка», мар. *йомак*; чув. *улах* «луг», мар. *олык*; чув. *савар* «вертеть», мар. *савыраш*; чув. *вай* «сила», мар. *вий*; чув. *лапа* «низкий», мар. *лоп*; чув. *сагал* «мало», мар. *шагал*; чув. *сула* «плот», мар. *шол* и т. д.

Все эти данные полностью подтверждаются данными других общественных наук. Этнографы давно отметили поразительное сходство культуры, быта, верований и обычаев чувашского и марийского народов; антропологи заявляют о поразительном сходстве антропологического типа чувашей и марийцев; археологи находят общие черты в их древней материальной культуре. Теория субстрата, как никакая другая языковедческая теория, позволяет в полной мере осуществить увязку лингвистических данных с данными других общественных наук — истории, археологии, этнографии и антропологии.

Как уже говорилось, рассматриваемые изолированно явления бывают всегда мало доказательны. Все приведенные выше факты даны в системе. Случайным может быть одно явление, но комплекс явлений не может быть случайным, если к тому же он подтверждается данными топонимики, этнографии, антропологии, археологии и истории.

Если теперь мы попытаемся классифицировать различные результаты взаимоотношения языков, имеющие место в условиях внутрорегионального контактирования, то заметим, что получаемые на основании этой классификации категории ничем существенным не будут отличаться от той схемы, которую мы установили при классификации результатов влияния языков, имевшего место в условиях маргинального контактирования. Общая схема, в основном, будет одинаковой: 1) приобретение сходных звуков; 2) заимствование слов; 3) создание синтаксических калек; 4) возникновение семантических инклинаций; 5) заимствование словообразовательных суффиксов; 6) возбуждение сходных процессов развития структуры языка; 7) стимулирование сохранения однотипных черт.

Все это лишний раз подтверждает выдвинутый нами тезис, что влияние одного языка на другой в условиях действия языка-субстрата по существу ничем не отличается от других типов влияния языков. Теория субстрата не содержит ничего таинственного и мистического, влияние субстрата может быть вполне доказано.

Совершенно естественно, что такое влияние возможно только при наличии хотя бы самого минимального двуязычия. Влияние одного языка на другой неопровергается объективными фактами, и нам совершенно непо-

нятым кажется упорное стремление некоторых языковедов отрицать всякую возможность влияния языка-субстрата.

Всякий вывод о возможности влияния субстрата получает более или менее прочное обоснование только в том случае, если он опирается на целый комплекс причинно связанных данных, к которым относятся:

1. Появление в языке ряда черт в области фонетики, не свойственных родственным языкам той группы, в которую входит изучаемый язык, но имеющих в смежном по территории языке или языках.

2. Появление в нем специфических черт в области морфологии и синтаксиса, не свойственных родственным языкам, но имеющих в смежном по территории языке или языках.

3. Появление новых слов, относящихся к основному словарному фонду, не свойственных родственным языкам, но встречающихся в смежном по территории языке или языках.

4. Наличие общей топонимики на территориях смежных языков, имеющих общие черты. Если общность топонимики отсутствует, общие черты могут быть результатом маргинального контактирования.

Противники теории субстрата могут указать, что случай частичного исчезновения языка-субстрата, продемонстрированный нами на примере марийского языка, относится к числу редких исключений. В преобладающем количестве случаев язык-субстрат окажется навеки исчезнувшим.

Однако такой скепсис вряд ли может быть оправдан. Гипотеза о возможности сегментарного исчезновения субстрата необычайно расширяет поле исследования. Границы распространения различных языков не являются раз навсегда установленными. Исторически они безусловно менялись. Если путем различных косвенных данных, например данных топонимики, попытаться реконструировать прежние границы распространения языков, то в большинстве случаев окажется, что они не совпадут с ныне существующими. Так, например, после такой реконструкции граница распространения карельского языка значительно переместится к востоку, граница распространения языка ливов — к югу, передвинется на запад граница распространения славянских языков, немного увеличится ареал долго распространения мордовских языков. Внимание исследователя должно быть прежде всего направлено на изучение возможных влияний субстрата в зонах частичного его исчезновения, лежащих между прежними и новыми границами распространения языка.

В качестве особой проблемы возникает проблема выявления влияний так называемого макросубстрата или исчезнувшего крупного языка или группы родственных языков, наделивших своими особенностями ряд других языков. Всякая гипотеза о возможности влияния макросубстрата должна быть обязательно подкреплена фактом общности топонимики.

Типичным примером макросубстрата могут быть дославянские языки на территории северной и средней европейской части СССР, оставившие следы в топонимике волго-окского типа, характеризующейся речными суффиксами *ма*, *га* и *ша*¹. Топонимика этого типа выявляется сравнительно легко; см. такие топонимические названия, как Волга, Кама, Клязьма, Кокшага, Свияга, Кострома, Онега, Пинега, Вага, Нырма, Цильма, Ижма и т. п. Топонимика волго-окского типа встречается на территории Архангельской, Вологодской, Ивановской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Кировской и Московской областей, а также на территории Карело-Финской, Марийской, Удмуртской, Мордовской, Татарской и отчасти Коми республик.

¹ Имеются и другие суффиксы, но эти являются наиболее распространенными.

Трудно предположить, чтобы на этой огромной территории в древности был один язык. По всей видимости, на ней находилось несколько языков, входивших в одну группу родственных языков. На данную территорию проникали носители различных языков и смешивались с аборигенами.

Проблема влияния волго-окских языков на русский, марийский, чувашский, удмуртский, коми и татарский языки является очень сложной и нуждается в специальных исследованиях. Мы приведем только несколько примеров возможности влияния этого субстрата.

В волго-окских языках существовал какой-то падеж из серии местных падежей, который одновременно выражал и местонахождение предмета, и движение предмета по направлению к чему-нибудь или во что-нибудь. Назовем его условно направительно-местным, или имплативно-локативным, падежом.

Влияние этого направительно-местного падежа волго-окских языков сказалось в том, что в коми-зырянском, удмуртском, марийском, татарском, чувашском, мордовском и отчасти в русском языках встречаются алогичные конструкции, когда местонахождение предмета выражается не местным падежом или соответствующей предложной конструкцией, а направительным падежом или предложной конструкцией, обозначающей направление действия; например, в татарском языке: *Бала тактага язды* «Мальчик написал на доске» (буквально: «на доску»); в марийском: *Мый шижжарем портеш коденам* «Я оставил сестру дома» (буквально: «в дом»); в коми: *Поезд сувтис станциялӧ* «Поезд остановился на станции» (буквально: «на станцию»); в удмуртском: *Илья тракторзэ ана пуме дугдытӥз* «Илья оставил трактор на конце поля» (буквально: «на конец поля»); в чувашском: *Кеӗӗр лашана улӑха хӑвартӑм* «В эту ночь я оставил лошадь на лугу» (буквально: «на луг»); в мордовском: *Бригада лоткась велес* «Бригада остановилась в деревне» (буквально: «в деревню»).

Обращает на себя внимание также артиклевая частица *то, та* в русских говорах. Эта артиклевая частица по своим особенностям резко отличается от артикля западноевропейских языков, но поразительно напоминает притяжательный суффикс 3-го лица в марийском и коми языках, употребляемый в непритяжательном, указательном значении. Связь артиклевой частицы *то, та* и притяжательного суффикса 3-го лица с эмфазой является их наиболее характерным отличительным признаком.

Наконец, интересно отметить наличие в русском языке оборотов типа *сизжу бывало, гляжу бывало*, напоминающих в структурном, а также в известной мере и в семантическом отношении аналитические прошедшие времена коми-зырянского, удмуртского, марийского, мордовского, татарского и чувашского языков; ср. в коми *муна волӧ* «иду бывало» («я шел»), удм. *мынӧсько вал* «иду бывало» («я шел»), мар. *каем ыле* «иду бывало» («я шел»), эрз. *молилльинь* (из *моли ульинь*) «я шел бывало» («я шел»), татар. *бара идем* «иду бывало» («я шел») и т. д.

Нерешенной лингвистической проблемой является проблема волновой передачи сходных черт от одного языка к другому. Мысль о возможности волновой передачи черт от одного языка к другому отнюдь не беспочвенна. В самом деле, если в случае маргинального контактирования языков, как мы видели выше, один язык может передать некоторые черты другому, смежному с ним по территории языку, то естественно, что язык, приобретший эти новые особенности, может передать их дальше другому смежному с ним по территории языку.

Кроме того, изучение общих черт языков, входящих в так называемые языковые союзы (балканские языки, языки волго-камские и т. д.), позволяет установить, что внутри языковой зоны есть всегда язык (иногда два

или три языка), представляющий средоточие наибольшего количества изоглосс. По мере удаления от этого центра изоглосс количество общих черт по направлению к периферии заметно падает, что и напоминает до некоторой степени затухание волн от брошенного в воду камня.

Несмотря на наличие этих косвенных доказательств, проблема возможности волновой передачи языковых особенностей требует специального изучения. Выдвинутая в свое время теория волн Иоганна Шмидта нуждается в новой редакции.

Чтобы придать большую стройность теории субстрата, освободить ее от существенных недостатков и подвести под нее более прочную теоретическую базу, необходимо разрешить следующие задачи:

1. Определить конкретные условия для исследования явлений, связанных с влиянием субстрата, определить конкретные показатели возможности этого влияния.

2. Установить критерии, позволяющие безошибочно отличать результаты влияния языка-субстрата от возможных конвергентных явлений, возникающих самостоятельно, а также от результатов языкового влияния иного типа.

3. Изучить возможности волнового распространения языковых черт, выяснить, какие явления наиболее подвержены волновой передаче и какие оказывают сопротивление такому распространению.

4. Разработать методику использования данных других наук — истории, археологии, антропологии и этнографии.

5. Найти способы рационального сочетания данных, полученных при исследовании результатов влияния субстрата, с данными, полученными в результате применения сравнительного метода.

6. Разработать методику реконструкции явления, послужившего исходным источником. Система приемов этой реконструкции пока еще не разработана.

7. Исследовать причины неравномерности воздействия однородного языкового субстрата на разные языки, в связи с чем возникает проблема изучения причин этой неравномерности, в частности проблема сопротивления языковой системы.

8. Установить причины консервации однотипных явлений в языке-субстрате при воздействии на него языка-субстрата.

Теория субстрата кладет основание для новой отрасли лингвистической науки — сравнительной семасиологии. Скрупулезное изучение семантики слов и грамматических форм в языках, смежных по территории распространения, позволит выявить так называемые инклинации. Данные, полученные сравнительной семасиологией, могут оказать существенную помощь ученым других специальностей — историкам, этнографам, археологам, антропологам, поскольку семантические инклинации будут явно свидетельствовать об исторических связях и взаимодействии народов, говорящих на данных языках.

В связи с необходимостью изучения влияния субстрата возникает необходимость в создании других вспомогательных отраслей лингвистической науки, как, например, сравнительной экспериментальной фонетики, изучающей фонетические системы языков и отдельных их говоров, смежных по территории. Необходимо начать сравнительное изучение мелодики речи, что также имеет весьма важное значение при исследовании результатов влияния языков-субстратов.

Квалификация влияния субстрата, как одного из видов многочисленных случаев взаимовлияния языков, открывает возможности для широкого изучения результатов взаимодействия языков вообще.

Изучение результатов влияния языков, в том числе и результатов влияния языка-субстрата, является необходимым и чрезвычайно важным до-

---

полнением к сравнительно-историческим исследованиям. Лингвист-историк должен знать не только то, что получилось в результате изменения архетипных форм в ходе естественного развития языка по его внутренним законам, но и те сдвиги в языковой структуре и то новое значение его форм и слов, которые возникли в результате влияния других языков.

Задача языковедов состоит в том, чтобы выявить рациональное зерно, содержащееся в теории субстрата, и поставить ее на более прочное основание.